

ДЕМОГРАФИЯ И РАССЕЛЕНИЕ DEMOGRAPHY AND SETTLEMENT

УДК 323.11

DOI: 10.37490/S221979310032048-5

А. Г. Дружинин

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Институт географии РАН, г. Москва, Россия

E-mail: alexdru9@mail.ru

ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДИХОТОМИИ ЮГА РОССИИ: ПОЛИМАСШТАБНЫЙ АНАЛИЗ

Для Российской Федерации многонациональность является основополагающей характеристикой, требующей учёта в том числе при решении вопросов пространственного развития. Необходимый в данном контексте этногеографический фокус исследований особо значим для Северного Кавказа и в целом Юга России. Цель статьи — идентификация присущих современному Югу России (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа) особенностей трансформации этнической структуры населения и локализации основных, численно преобладающих этносов. Информационной базой стали данные Всесоюзной (1989 г.) и Всероссийских переписей населения (2002, 2010 и 2020 гг.), проанализированные и обобщённые как в разрезе 15 субъектов Федерации, так и на уровне отдельных муниципальных образований (332 единицы). Выявленные ситуации и тренды предопределили постановку вопроса о присущей южнороссийскому макрорегиону полимасштабной и многоаспектной этногеографической дихотомии, понимаемой как одномоментное проявление: 1) характерного для постсоветского периода роста численности русских и сокращения их доли в населении; 2) общей полиэтничности Юга России и его преимущественной моноэтничности на региональном и местном уровнях; 3) обособлении территориального массива расселения русских и фрагментированного иноэтнического ареала; 4) этнической «титულიности» регионов и наличия в их составе иноэтнических муниципальных образований; 5) сочетанием пространственных структур с «национальной определённостью» и множественных пространств полиэтнизации; 6) формированием и воспроизводством порождённых урбанизацией этносистем «село-город» в рамках не только моноэтничных, но и полиэтничных регионов.

Ключевые слова: этническая структура, локализация этносов, муниципальные образования, полиэтничность, моноэтничность, Северный Кавказ.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Для цитирования: Дружинин А. Г. Этногеографические дихотомии Юга России: полимасштабный анализ // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 31–45. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310032048-5>

A. G. Druzhinin

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: alexdru9@mail.ru

**ETHNOGEOGRAPHIC DICHOTOMIES OF THE SOUTH OF RUSSIA:
MULTI-SCALE ANALYSIS**

For the Russian Federation, multiculturalism is a fundamental characteristic that needs to be taken into account, including when solving issues of spatial development. The ethnogeographic focus of research required in this context is particularly significant for the North Caucasus and the South of Russia as a whole. The purpose of the article is to identify the peculiarities of transformation of the ethnic structure of the population and the localization of the main numerically prevailing ethnic groups inherent in the modern South of Russia (Southern and North Caucasian Federal Districts). The information base was the data of the All-Union (1989) and All-Russian Population Censuses (2002, 2010 and 2020), analyzed and summarized both in the context of 15 constituent entities of the Federation and at the level of individual municipalities (332 units). The identified situations and trends predetermined the formulation of the question about the multi-scale and multidimensional ethnogeographic dichotomy inherent in the South Russian macroregion, understood as a simultaneous manifestation: 1) the growth of the number of Russians characteristic of the post-Soviet period and the reduction of their share in the population; 2) the general polyethnicity of the South of Russia and its predominant mono-ethnicity at the regional and local levels; 3) the isolation of the territorial array of Russian settlement and fragmented non-ethnic area; 4) the ethnic “titularity” of the regions and the presence of non-ethnic municipalities in their composition; 5) the combination of spatial structures with “national certainty” and multiple spaces of polyethnization; 6) the formation and reproduction of “village-city” ethnosystems generated by urbanization within not only mono-ethnic, but also multi-ethnic regions.

Keywords: ethnic structure, localization of ethnic groups, municipalities, polyethnicity, mono-ethnicity, North Caucasus.

Acknowledgments. *The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project No 23-18-00180 “Multivariaty of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development”) in the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.*

For citation: Druzhinin A. G. (2024), Ethnogeographic dichotomies of the South of Russia: multi-scale analysis, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 4, pp. 31–45. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310032048-5>

Введение. Согласно Статьи 68 действующей Конституции Российская Федерация являет «многонациональный союз равноправных народов»¹ и этот постулат Основного закона, корреспондируя с особенностями политико-территориальной организации (на 29 республик и национальных автономий приходится 38 % территории страны и порядка 21 % её населения), воплощается также в пространственном структурировании на «низовом» уровне, где множественность муниципальных образований с конкретной, зафиксированной даже в самом их названии «национальной определённой», сочетается с общей «палитрой» моно- и полиэтнических муниципальных районов, муниципальных и городских округов.

Вступление России (как и мирового сообщества в целом) в полосу масштабных геоэкономических изменений и резко возросшей геополитической турбулентности — существенно актуализирует проблематику безопасности, устойчивости и эффективности функционирования российского общества, обеспечения действенного импульса его развития, что требует, в свою очередь, сфокусированного внимания к территории, её структуре, социально-экономическим и этнокультурным особенностям и, соответственно, к этногеографии, к локализации и сорасположенности этносов, к их взаимодействию.

Будучи для России практически повсеместно существенным, «этнический аспект» пространственного развития обретает особую значимость в контактных полосах и узлах, в ареалах с чересполосицей «национальных территорий», т. е. в геоситуационном контексте, в полной мере присущем территориям Европейской части страны, расположенным южнее 50-й параллели и с конца 1990-х гг. [4] в совокупности своей идентифицируемым преимущественно как «Юг России».

Цель статьи. На основе полимасштабного (включающего в т. ч. муниципальный уровень) анализа данных переписей населения идентифицировать важнейшие тренды трансформации этнической структуры Юга России, а также особенности локализации его наиболее крупных по численности этносов как множественность этногеографических дихотомий: структурных, динамических, геоситуационных и локализационных.

Исходные предпосылки. Объектом изучения выступил Юг России, понимаемый как территориальная социально-экономическая целостность макроуровня, объ-

¹ Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 19.08.2024).

единяющая Южный и Северо-Кавказский федеральные округа и обладающая сложной внутренней пространственной структурой (15 регионов и 332 муниципальных образования «второго уровня»). Исследование опирается на подходы и наработки российских географов-обществоведов в этнодемографической и этнокультурных сферах [7; 8; 12; 17–22]. Значимыми, помимо этого, оказались сформированные ранее представления о «моноэтничности» и «полиэтничности» [6; 14; 16], а также об этнической специфике Юга России [1; 3; 11; 13; 15]. Основной массив региональной и муниципальной аналитики базируется на данных Всероссийской переписи населения 2020 г. и предшествующих ей переписей 2002 и 2010 гг., а также Всесоюзной переписи 1989 г., что позволило, в частности, полноформатно учесть ситуационные изменения в двух крымских субъектах Федерации.

Результаты исследования. Установлено, что этническая география Юга России демонстрирует множественность присущих ей дихотомий. Наиболее масштабная и значимая (как и в Российской Федерации в целом) связана со сложившейся *пропорцией между «русской составляющей» этнической структуры и всеми остальными иноэтническими компонентами* по совокупности базовых характеристик: демографический потенциал, ареал преимущественного проживания, его селитебная и социально-экономическая специфика.

На Юге России численность лиц, в рамках Всероссийской переписи 2020 г. указанных как «русские», более чем в 2,3 раза превышает, в частности, совокупный демографический потенциал других двенадцати следующих по численности этносов, в т. ч. непосредственно чеченцев (занимающих в рейтинге численности вторую после русских позицию) — десятикратно (табл. 1).

Таблица 1

Ведущие (по численности населения) этносы Юга России*

Table 1

Leading (by population) ethnic groups of the South of Russia*

Этнос	Число его представителей на Юге России, 2021 г., чел.	Доля в населении Юга России, %		Прирост численности за 1989–2021 гг., чел.
		1989 г.	2021 г.	
русские	16 258 356	69,7	60,4	249 826
чеченцы	1 622 736	3,7	6,0	765 613
аварцы	986 428	2,3	3,7	464 175
даргинцы	607 263	1,5	2,3	266 744
кумыки	537 029	1,1	2,0	273 205
кабардинцы	515 323	1,6	1,9	138 863
ингуши	503 700	0,9	1,9	302 618
армяне	498 249	1,6	1,9	129 805
осетины	461 852	1,6	1,7	97 032
лезгины	437 825	1,1	1,6	214 993

крымские татары	255 775	0,2	0,9	217 410
украинцы	255 186	5,3	0,9	– 959 952
карачаевцы	223 464	0,6	0,8	77 307

* составлено автором по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г.

* compiled by the author based on data from the 1989 All-Union Population Census and the 2020 All-Russian Population Census.

Что касается заселённого преимущественно русским населением ареала (где доля русских в общей численности лиц, в 2021 г. указавших свою национальность, составляет 75 % и более — рис.), то он также ощутимо превалирует по отношению к территориям, которые, сообразуясь с их этнической структурой уместно идентифицировать как «полиэтнические» и «иноэтнические».

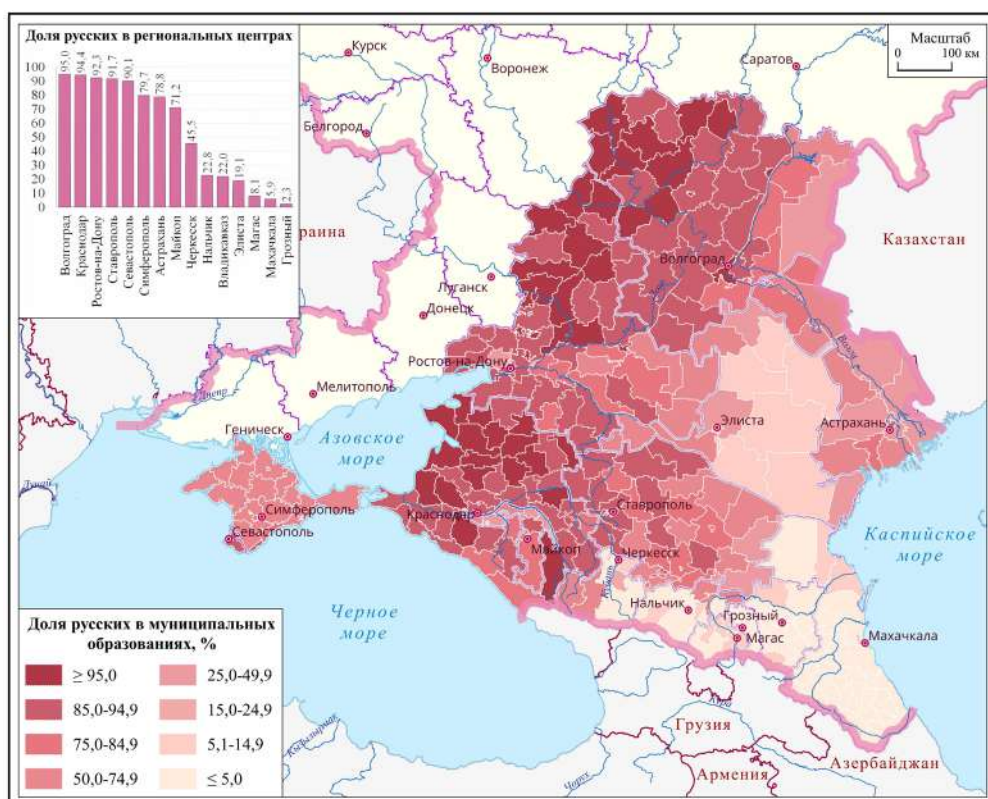

Рис. Удельный вес русских в муниципальных образованиях Юга России, 2021 г. (составлен автором при техническом содействии Д. А. Вольхина)

Fig. The proportion of Russians in municipalities in the South of Russia, 2021 (compiled by the author with technical assistance from D. A. Volkhin)

Так, согласно авторским подсчётам на муниципальном уровне таксономии, моноэтнические «русские» территории занимают на Юге России площадь в 326,8 тыс. км², на которой суммарно проживает 16,5 млн чел. (т. е. 52,4 % и 63,9 % от соответствующих показателей по южнороссийскому макрорегиону в целом).

В региональном разрезе «русская моноэтничность» присуща пяти субъектам Федерации (Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, а также город Севастополь). В сумме это 57,7 % территории российского Юга, 59,2 % его населения и 70,1 % ВРП. Именно в данной пятёрке регионов сконцентрировано 83,1 % всего русского населения Юга и, в то же время, всего лишь 2,4 % от проживающих на Юге России чеченцев, 1,8 % аварцев, 11,8 % даргинцев. Существенно также, что регионы Юга с более чем 75 %-й долей русского населения обеспечивают почти 88 % от общего по всему макрорегиону объёма обрабатывающих производств; на них приходится 86 % посевных площадей зерновых культур, и 92 % подсолнечника, 86 % грузооборота автотранспорта, 78 % персонала, занятого научными исследованиями и разработками [6], что позволяет рассматривать их как «стержневые» в территориально-хозяйственной системе макрорегиона, концентрирующие основные отрасли его специализации.

Именно русские численно преобладают в 7 из 15 южнороссийских региональных «столиц», причём вся эта семёрка — наиболее крупные демографически и весьма развитые в социально-экономическом отношении города (табл. 2).

Таблица 2

Моно- и полиэтнические региональные «столицы» Юга России:
социально-экономическая компаративистика*

Table 2

Mono- and polyethnic regional “capitals” of the South of Russia: socio-economic comparative studies*

Город (городской округ)	Доля численно преобладающих этносов в общем числе лиц, указавших национальность, %	Общее число жителей, тыс. чел.	Объём отгруженных товаров (обрабатывающие производства), млрд руб.	Душевые налогооблагаемые денежные доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей, тыс. руб.	Ввод жилых домов на душу населения, м ² / чел
Моноэтнические русские (доля русских — свыше 75 %)					
Волгоград	95,0 — русские	1028	267,0	276,1	0,44
Краснодар	94,4 — русские	1205	113,9	546,1	2,17
Ростов-на-Дону	92,3 — русские	1016	314,7	521,9	1,41
Ставрополь	91,7 — русские	548	53,6	311,3	0,94
Севастополь	90,1 — русские	547	20,1	...	0,95
Симферополь	79,7 — русские	360	15,7	455,7	0,54
Астрахань	78,8 — русские	476	25,0	305,1	0,51

Полиэтнические (доля любого этноса менее 75 %)					
Майкоп	70,6 — русские, 16,9 — адыгейцы	143	19,6	239,7	0,49
Черкесск	45,5 — русские, 23,8 — карача- евцы, 16,0 — черкесы	113	12,5	234,2	0,83
Нальчик	49,2 — кабар- динцы, 22,8 — русские, 18,1 — балкарцы	273	9,5	202,9	1,16
Владикавказ	69,4 — осети- ны, 22,0 — русские	313	11,7	132,9	0,50
Элиста	62,2 — калмы- ки, 19,1 — русские	107	0,2	341,0	1,02
Махачкала	25,6 — аварцы, 18,9 — кумыки, 15,5 — даргин- цы, 13,9 — лезгины	759	4,5	163,6	0,39
Иноэтнические с долей численно преобладающего этноса свыше 75 %					
Магас	88,2 — ингуши, 8,1 — русские	15	—	38,5	0,45
Грозный	95,4 — чеченцы	328	1,0	170,8	1,2

* составлено по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., а также данным Росстата за 2021 г.

* compiled based on data from the 2020 All-Russian Population Census, as well as Rosstat data for 2021.

Характерно, что наиболее развитые в социально-экономическом отношении урбанистические центры Юга (Краснодар, Ростов-на-Дону, Сочи, Ставрополь, Новороссийск), наряду с территориями, входящими в образуемые ими агломерациями, все последние годы демонстрируют свою притягательность для мигрантов (в основном — русских) из другим макрорегионов России. Благодаря именно подобному «перетоку» за 1989–2010 гг. русское население Юга России сократилось лишь на 0,5 %, в то время как в целом по стране — на 8 %. За последний межпереписной период (2010–2021 гг.) численность лиц, указанных в переписных листах как «русские», сократилась по Российской Федерации на 10,6 % (во-многом связанный с этим сокращением феномен стремительного возрастания числа лиц «не указавших свою национальность» проявился ещё в 2010 г. [2], и не может быть объяснён лишь несовершенством переписи). На Юге же, напротив, за аналогичный период имел место рост численности русских

(на 5,3 %). В целом за постсоветский период на Юге (включая Крым) численность русских увеличилась почти на 250 тыс. чел. (см. табл. 1), в то время как в общероссийском масштабе она сократилась на 15,6 млн чел. Этот тренд контрастировал с «де-русификацией» южнороссийского макрорегиона, продемонстрировавшей наивысшие темпы в Чеченской Республике (доля русских в этнической структуре за 1989–2021 гг. сократилась на 22 процентных пункта), Астраханской области (15 процентных пунктов), а также Калмыкии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии.

Дихотомия между *локализованным ростом абсолютной численности русского населения в пределах Юга и сокращением его удельного веса в этнической структуре макрорегиона*, дополняется в итоге, дихотомией *роста численного присутствия русских в ограниченном числе субъектов Федерации* (за 2010–2021 гг. на 600 тыс. увеличилось русское население Краснодарского края, на 214 тыс. — двух субъектов Крыма, на 77 тыс. — Ставрополя) и *«русской депопуляции» остальных территорий*, что в пролонгированном временном горизонте сопровождалось в т. ч. значимыми подвижками в их этнической структуре. Так в 1959 г. в Чечено-Ингушетии доля русских в населении достигала 49 %, в Карачаево-Черкесии — 51 %, а в 2021 г. — 1,2 % в Чечне, 0,6 % в Ингушетии и 27,2 % в Карачаево-Черкесии. В Астраханской области за аналогичный период удельный вес русских сократился с 77,5 до 57 %, в Республике Калмыкия — с 55,9 до 24,5 %.

Специфика южнороссийской этногеографии связана и с сохраняющимися выраженными различиями между *несколько повышенной урбанизированностью русского населения и преимущественным руральным и полуруральным размещением целого ряда других ведущих для макрорегиона этносов*. Только непосредственно в пределах основного ареала расселения русских² в 13 локализованных в нём городах с населением более 200 тыс. жителей сконцентрировано более 5,7 млн русских, т. е. 34 % от их суммарной по Югу численности. В целом же 62 % русского населения Юга проживает в городах, в то время как чеченцев — 38 %, аварцев — 37 %, даргинцев — 39 % (при средней по Югу доле городского населения в 58,4 %). Характерно в этой связи, что в 63 % из имеющихся в пределах Юга России городских округов доля русских в этнической структуре превышает 75 %, в то время как по муниципальным округам и муниципальным районам — только 49 %. В то же время из 16 муниципальных образований с 75 %-й и выше доле в населении чеченцев городских округа только 2. Из 14 «аварских» муниципальных образований и 5 «даргинских» — ни одного, и т. д.

По своей сути дихотомична и локализация основных южнороссийских этносов, характеризуемая наличием ареалов их преимущественного проживания (и, в целом ряде ситуаций, моноэтничности) с иноэтническими «вкраплениями» в виде отдельных муниципальных образований и их кластеров. Данный феномен (дихотомии *между «этнической титульностью» той или иной территории и фактической поли- и иноэтничностью некоторых из её обособленных компонентов*) в особой мере характерен для национальных республик, в ряде из которых за «этнически окра-

² Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Севастополь и Республика Крым.

шенным» наименованием скрывается усложнённая территориальная мозаика этносов и наличие иноэтнических (в т. ч. моноэтнических) муниципальных образований.

Так, в частности, в Республике Калмыкия калмыцкое население численно преобладает и в целом по её территории (62,6 %), и в городском округе Элиста (76,9 %), и ещё в девяти муниципальных районах, в то время как в четырёх (Городовиковском, Приютенском, Сарпинском и Яшалтинском) более половины населения составляют русские.

В этнической структуре Республики Адыгея доля «титulyного этноса», напротив, не превышает 22 %, в то время как русских — 64,3 %. Адыгейцы численно преобладают, при этом лишь в 4 муниципальных образованиях из 9, причём ни в одном из них доля адыгейцев не превышает 75 %. Именно в этих четырёх действительно «национальных» муниципальных образованиях Адыгеи сконцентрировано 47 % всего адыгейского населения Республики; ещё 23,3 % проживает в её столице — Майкопе (где доля русских составляет 71,2 %, а адыгейцев — 16,1 %).

В Кабардино-Балкарии в 2 из 13 муниципальных образований (Майский и Прохладненский муниципальные районы) более половины населения составляют русские. Аналогична ситуация в Моздокском районе Северной Осетии.

В Карачаево-Черкесии «русскими» по преобладающей национальности являются Урупский и Зеленчукский муниципальные районы (доля русских — 73,7 и 56,3 % соответственно). В структуре этой республики представлены и два «титulyных» (но иноэтнических по отношению как к карачаевцам, так и черкесам) муниципальных районов: Абазинский (88,5 % населения — абазины) и Ногайский (ногайцы — 84,9 %).

За пределами основного массива концентрации русского населения Юга, в национальных республиках, расположено, в итоге, 14 муниципальных образований с численно преобладающим русским населением. Согласно переписи 2020 г. в них проживает 2,3 % (386,4 тыс. чел.) от общей численности русских, локализованных в пределах Юга России.

Зеркально-подобная ситуация и в ареале преимущественного расселения русских. Так, в структуре Астраханской области представлены два муниципальных района с преобладанием казахов (в Володарском — 71,3 %, Красноярском — 52,2); ещё в 7 муниципальных образованиях (включая Астрахань) казахи являются вторым по численности этносом. В Волгоградской области «казахская составляющая» существенна в этнической структуре трёх муниципальных районов (Палассовского, Старополтавского и Николаевского с долей казахов в 43,5, 20,9 и 15,4 % соответственно).

В Ростовской области в ареале тяготения Ростова-на-Дону сохраняется (с конца XVIII в.), постепенно «размываясь» русским населением, армянский анклав (Мясниковский муниципальный район, с удельным весом армян в 48,2 %, в то время как русских — 49,6 %) и оформились (уже в позднесоветский период) два кластера муниципальных районов с повышенным удельным весом: 1) народов Северного Кавказа (Заветинский районы с 24 % присутствия чеченцев и 3,6 даргинцев, Ремонтненский район — 16,1 % даргинцы, 7,3 % чеченцы, Дубовский — 10,3 % чеченцы, 7,3 аварцы); 2) этнических турок (турок-месхетинцев), сосредоточенных преимущественно на территории Багаевского, Волгодонского и Мартыновского муниципальных районов).

Наиболее усложнена на муниципальном уровне этногеографическая ситуация в Ставропольском крае, где, в частности, оформился ареал с ошутимой долей в населении представителей автохтонных народов Дагестана (Азгирский, Левокумский, Степановский муниципальные округа и др.), а также имеются территории со сдвигом этнодемографического баланса в пользу ногайцев (Нефтекумский городской округ), армян (Пятигорск, Георгиевск), греков (Предгорный муниципальный округ) и туркмен (Туркменский муниципальный округ).

Своя этногеографическая специфика присуща и Республике Крым, также относящейся к основному ареалу расселения русских, но, при этом, концентрирующей (на 2021 г.) 98 % всех проживающих на Юге России крымских татар, а также 57,3 % от общей численности локализованного в пределах Юга украинского населения. Характерно, что численность последнего, согласно переписям, за 1989–2021 гг. сократилась в Крыму с 626 до 170 тыс. (в 3,7 раза), по Югу России — с 1215 тыс. до 255 тыс. (в 4,8 раза), а в целом по России (включая Крым) — с 4989 тыс. до 884 тыс. (в 5,6 раза). Ещё интенсивнее (в 6,9 раза, т. е. с 589 до 85 тыс. чел. за весь постсоветский период) имело место уменьшение численности лиц, обозначивших свою национальность как «украинцы» на «южнороссийских территориях до 2014 г.», т. е. без Крыма.

В пределах Юга России одновременно имеет место и процесс *воспроизводства территориальных социально-экономических целостностей с иной (столь же чётко выраженной) «национальной определённости»*. Сопоставление итогов переписей населения за 1989 и 2020 гг. подтверждают ранее неоднократно акцентированные (применительно к России в целом [9; 12]) представления о «стягивании» этносов на «свои» территории (табл. 3).

Таблица 3

Локализация некоторых северокавказских этносов в «своём» регионе*

Table 3

Localization of some North Caucasian ethnic groups in “their” region*

Этносы	Удельный вес числа представителей этноса, локализованных в «своём регионе, от общей численности этноса на Юге России, %		Динамика за 1989–2021 гг., процентных пункта
	1989 г.	2021 г.	
чеченцы	85,6	89,7	4,1
аварцы	95,0	97,1	2,1
даргинцы	82,1	85,8	3,7
кумыки	87,9	92,4	4,5
кабардинцы	96,5	97,7	1,2
ингуши	81,6	93,8	12,2
осетины	91,7	95,4	3,7
лезгины	91,5	95,4	3,9
карачаевцы	97,2	92,4	–4,8

* составлено по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.

* compiled based on data from the 2020 All-Russian Population Census.

Из девяти включённых в выборку наиболее крупных северокавказских этносов исключение составили лишь карачаевцы, что отчасти можно объяснить повышенной привлекательностью для их расселения города Кисловодска, расположенного на территории Ставропольского края (доля карачаевцев в этнической структуре края — 0,6, в то время как Кисловодска — 7 %).

Дихотомично также и широко представленное в пределах Юга России *обособление пространственных структур (муниципального и межмуниципального уровня) с «национальной определённостью» и множественных пространств полиэтнизации (как на «русских», так и иноэтнических территориях) и межэтнического взаимодействия*, приуроченного к городам, в первую очередь, крупным. Наиболее характерной и яркой иллюстрацией формирования на Юге *интегрированных рурально-урбанистических (моноэтнических сельских и полиэтнических городских) субрегиональных пространств (их ещё уместно обозначить как этносистема «село-город»)* выступает полиэтническая и в существенной мере за последние десятилетия лишённая «русской составляющей» в населении (за счёт её сокращения с 20,1 % в 1959 г. до 3,2 % в 2021 г.) Республика Дагестан (табл.).

Таблица 4

Крупнейшие «этнические кластеры» муниципальных районов и сопряжённые с ними городские центры Республики Дагестан*

Table 4

The largest “ethnic clusters” of municipal districts and associated urban centers of the Republic of Dagestan*

этнос	Моноэтнические муниципальные районы (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Полиэтнические городские округа (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Общая численность этноса в пределах этносистемы «село-город»), тыс. чел.	Доля этноса в пределах этносистемы «село-город» к общей численности представителей этноса в Дагестане, %
аварцы	Ахвахский (24 /99,6), Ботлихский (58 /99,0), Гергебильский (19 /96,3), Гумбетовский (21 /99,6), Гунибский (28 /96,2), Казбековский (43 /87,3), Кизилюртовский (63 /84,9). Тляратинский (23 /99,4), Унцукульский (31 / 99,3), Хунзахский (30 /95,6), Цумадинский (26 / 99,1), Цунтинский (21 /98,6), Чародинский (14 /98,0), Шамильский (30 /98,6)	Махачкала (190 /25,6), Буйнакск (25 /39,1), Кизилюрт (36 /73,4), Хасавюрт (73 /47,9), Южно-Сухокумск (4 / 44,4)	759	79,3

даргинцы	Акушинский (52 /96,6), Дахадаевский (36 /99,6), Кайтагский (30 /91,2), Левашинский (62 /78,2), Сергокалингский (26 /99,0)	Махачкала (115 /15,5), Избербаш (37 /66,1)	358	68,7
лезгины	Ахтынский (31 / 98,5), Докузпаринский (14 /94,6), Магараметкентский (53 /95,3), Сулейма- Стальский (57/99,1)	Дербент (44 /36,4), Каспийск (37 /31,3), Махачкала (103 /13,9)	339	81,5

* составлено по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.

* compiled based on data from the 2020 All-Russian Population Census.

Более компактные этносистемы «село-город» имеются у табасаран (Табасаранский и Хивский муниципальные районы + городской округ Дагестанские огни, в котором доля табасаран составляет 51,2 %), кумыков (Махачкала и примыкающие к ней муниципальные районы), лакцев (Лакский и Новолакский районы + Махачкала), а также у весьма многочисленной на территории Республики Дагестан азербайджанской диаспоры (из 117 тыс. проживающих в Дагестане азербайджанцев 43 тыс. — сконцентрированы в Дербенте и ещё 50 тыс. — Дербентском муниципальном районе).

Аналогичные «национально окрашенные» форматы урбанизации имеются и в других регионах Северного Кавказа, например, у карачаевцев (Карачаевский, Малокарачаевский, Прикубанский и Усть-Джегутинский муниципальные районы + городские округа Карачаевск, Черкесск и Кисловодск с суммарной численностью представителей карачаевского этноса в 185 тыс. чел., что эквивалентно 83 % от всех проживающих на Юге России карачаевцев), балкарцев, адыгов.

Заключение. Современная Россия геоэкономически всё в большей мере «поворачивается» к мировому Югу, усиливает взаимодействие с государствами и культурами своего «южного подбрюшья», одновременно отстаивая собственные геополитические и геокультурные интересы на своём юго-западе. В этом контексте пролонгированный, берущий истоки ещё в XVI столетии «южный вектор» пространственного развития российского государства и общества вновь актуализирован [5], а позиционная, коммуникационная, ресурсная и военно-стратегическая роль Юга России (не без основания воспринимаемого представителями экспертного сообщества как «новая надежда» страны [10, с. 12]) в обозримой перспективе будет только возрастать.

Выделяется Юг в общероссийском масштабе и как макрорегион с сохраняющейся (и углубляющейся) этнодемографической, этнокультурной мозаикой, территория с ускоренным протеканием процессов сокращения в этнической структуре доли русского населения, а также «моноэтнизации», концентрации тех или иных народов на «своей» территории. Эти процессы многоаспектны, полимасштабны и сопряжены с множественными этногеографическими дихотомиями между: 1) характерным для постсоветского периода ростом численности русских и сокращением их доли в населении; 2) общей полиэтничностью Юга России и его преимущественной моноэт-

ничностью на региональном и местном уровнях; 3) обособлением территориального массива расселения русских и фрагментированного иноэтнического ареала; 4) этнической «титულიностью» регионов и наличия в их составе иноэтнических муниципальных образований; 5) наличием пространственных структур (муниципального и межмуниципального уровня) с «национальной определённой» и, наряду с этим, множественных пространств полиэтнизации; 6) формированием и воспроизводством порождённых урбанизацией этносистем «село-город» в рамках не только моноэтнических, но и полиэтничных регионов.

Этногеографическая дихотомичность Юга России — это данность, вызов для страны и, одновременно, некое дополнительное для неё геостратегическое «окно возможностей», которое чрезвычайно важно, идентифицируя, отслеживая (в т. ч. в рамках общественно-географического анализа), учитывать в федеральном регулировании пространственного развития.

Литература

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. 304 с.
2. Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез // Население России 2010–2011. М., 2013. С. 93–143.
3. Денисова Г. С., Герман М. А., Денисов В. И., Суций С. Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования. 2018. 188 с.
4. Дружинин А. Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 83–92.
5. Дружинин А. Г., Кузнецова О. В. Южный вектор в пространственном развитии постсоветской России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 2 (110). С. 5–26. <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>.
6. Дружинин А. Г. Полиэтничен ли современный Юг России? // Региональные исследования. 2024. № 2. С. 28–39. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-2-3>.
7. Манаков А. Г. Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128.
8. Манаков А. Г. Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 5. С. 687–698.
9. Манаков А. Г. Компоненты территориальной структуры этнокультурного пространства постсоветских стран // Географический вестник = Geographical bulletin. 2021. № 2 (57). С. 22–35.
10. Мартынов В. Л. Четыре стороны России: основные тенденции макрорегионального развития // Псковский регионологический журнал. 2018. № 4 (36). С. 3–19.
11. Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Авксентьев В. А. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том III. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2009. 260 с.
12. Стрелецкий В. Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М., 2011. С. 146–176.
13. Суций С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа — рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3. С. 115–140.
14. Тишков В. А. Российская полиэтничность в мировом контексте // Вестник российской нации. 2013. № 5. С. 12–29.
15. Черноус В. В. Русские на Северном Кавказе. Вызовы XXI века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 2001. 215 с.
16. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.

17. Belozеров V. S., Tikunov V. S., Cherkasov A. A., Ibrahimov A., Caliskan V. Geoinformation technologies in the study of ethnic aspects of urbanization in Russia // *Geography, Environment, Sustainability*. 2013. Vol. 6. No. 4. P. 19–30.
18. Bezrukov L. A., Razmakhina Y. S. Transformation of the ethnic population of Eastern Siberia: post-Soviet trends // *Geography and Natural Resources*. 2021. Vol. 42. No. 3. P. 232–240. <https://doi.org/10.1134/S1875372821030069>.
19. Manakov A. G. Transformation of the ethnic space in countries of Central Asia in the post-Soviet period // *Geography and Natural Resources*. 2021. Vol. 42. No. 2. P. 185–193. <https://doi.org/10.1134/S1875372821020074>.
20. Safronov S. G. Russian population ethnic structure: trends and transformations // *Baltic region*. 2015. No. 3 (25). P. 106–120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>.
21. Streletsky V. N. Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2017. Vol. 66. No. 3. P. 219–233. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.66.3.3>.
22. Zimovina E. Migration and the transformation of multiethnic population structure in the Kaliningrad region of the post-Soviet era // *Baltic Region*. 2014. No. 2 (20). P. 86–99. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-7>.

References

1. Belozеров V. S. (2005), *Ethnic map of the North Caucasus*, Moscow, 304 p. (In Russ.).
2. Bogoyavlensky D. (2013), Census 2010: ethnic cross-section, *Population of Russia 2010–2011*, Moscow, pp. 93–143. (In Russ.).
3. Denisova G. S., German M. A., Denisov V. I., Suschy S. Ya. (2018), *Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region*, Rostov-on-Don, Foundation for Science and Education. 2018. 188 p. (In Russ.).
4. Druzhinin A. G. (1999), South of Russia: conceptual and terminological concept and territorial realities, *Scientific thought of the Caucasus*, no. 3, pp. 83–92. (In Russ.).
5. Druzhinin A. G., Kuznetsova O. V. (2023), The southern vector in the spatial development of post-Soviet Russia, *Federalism*, vol. 28, no. 2 (110), pp. 5–26. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2023-2-5-26>.
6. Druzhinin A. G. (2024), Is the modern South of Russia polyethnic? *Regional studies*, no. 2, pp. 28–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2024-2-3>.
7. Manakov A. G. (2019), Assessment of changes in the ethnic mosaic of the regions of European Russia in the periods between the censuses of 1897, 1959 and 2010, *Izvestiya RAS. The series is geographical*, no. 2, pp. 117–128. (In Russ.).
8. Manakov A. G. (2021), Assessment of the ethnic transformation of the regions of the post-Soviet space, *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical*, vol. 85, no. 5, pp. 687–698. (In Russ.).
9. Manakov A. G. (2021), Components of the territorial structure of the ethnocultural space of post-Soviet countries, *Geographical bulletin*, no.2 (57), pp. 22–35. (In Russ.).
10. Martynov V. L. (2018), Four sides of Russia: the main trends of macro-regional development, *Pskov Journal of Regional Studies*, no. 4 (36), pp. 3–19. (In Russ.).
11. Matishov G. G., Batiev L. V., Avksentiev V. A. (2009), *Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia*, vol. 3. Rostov-on-Don, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 260 p. (In Russ.).
12. Streletsky V. N. (2011), Russia in the ethnocultural dimension: factors of regionalization and spatial structures, *Regional development and regional policy of Russia in the transition period*, Moscow, pp. 146–176. (In Russ.).
13. Suschiy S. Y. (2017), Russians in the republics of the North Caucasus — the frontiers of geodemographic retreat (the first half of the 21st century), *Demographic Review*, vol. 4, no. 3, pp. 115–140. (In Russ.).
14. Tishkov V. A. (2013), Russian polyethnicity in the global context, *Bulletin of the Russian nation*, no. 5, pp. 12–29. (In Russ.).
15. Chernous V. V. (2001), *Russians in the North Caucasus. Challenges of the 21st century*, Rostov-on-Don, Publ. House of the Russian National Research University, 215 p. (In Russ.).

16. Ekkel B. M. (1976), Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Soviet ethnography*, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
17. Belozеров V. S., Tikunov V. S., Cherkasov A. A., Ibrahimov A., Caliskan V. (2013), Geoinformation technologies in the study of ethnic aspects of urbanization in Russia, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 6, no. 4, pp. 19–30.
18. Bezrukov L. A., Razmakhina Y. S. (2021), Transformation of the ethnic population of Eastern Siberia: post-Soviet trends, *Geography and Natural Resources*, vol. 42, no. 3, pp. 232–240. <https://doi.org/10.1134/S1875372821030069>.
19. Manakov A. G. (2021), Transformation of the ethnic space in countries of Central Asia in the post-Soviet period, *Geography and Natural Resources*, vol. 42, no. 2, pp. 185–193. <https://doi.org/10.1134/S1875372821020074>.
20. Safronov S. G. (2015), Russian population ethnic structure: trends and transformations, *Baltic region*, no. 3 (25), pp. 106–120. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2015-3-9>.
21. Streletsky V. N. (2017), Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia, *Hungarian Geographical Bulletin*, vol. 66, no. 3, pp. 219–233. <https://doi.org/10.15201/hungeobull.66.3.3>.
22. Zimovina E. (2014), Migration and the transformation of multiethnic population structure in the Kaliningrad region of the post-Soviet era, *Baltic Region*, no. 2 (20), pp. 86–99. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2014-2-7>.

Сведения об авторе

Дружинин Александр Георгиевич — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Scopus Author ID: 7005628550

About the author

Prof. **Alexander Druzhinin**, Chief Researcher, Director of the North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Leading Researcher at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335

Scopus Author ID: 7005628550

Поступила в редакцию 20.08.2024 г.

Поступила после доработки 25.09.2024 г.

Статья принята к публикации 30.10.2024 г.

Received 20.08.2024.

Received in revised form 25.09.2024.

Accepted 30.10.2024.